

ИНТЕРВАЛЫ МЫШЛЕНИЯ (ИЗ МЕМУАРОВ)

РЫ НИКОНОВА

В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ (1947 г.)

Хотела ли я в 1947 году, в свои 5 лет, посетить швейцарские Альпы? Вряд ли.

Меня более чем устраивал мой ейский сад и Азовское море за углом. Мои куклы и “картина” (кукольная) на деревянной дощечке. Мое солнышко на небе и освещенный им кусок земли под забором, где я ставила кровать для куклы. И микро-комод для нее же – декорация *моей* собственности. В пределах этого полуметра я могла делать – что хотела и даже выбирать: делать или нет.

Жизнь была цветной, тепленькой и подмигивающей. И, что немаловажно – в *одном* экземпляре: дом, собака, язык во рту. Стереоскоп (немецкий), подаренный мне Проней – деревянная вещица. Она была, правда, с *двумя* стеклами, которые до сих пор не вывалились, спустя 56 лет. К стереоскопу прилагались открытки – удлиненные, на каждой открытке было 2 одинаковых (на “невооруженный” взгляд) черно-белых изображения. Например, справа – лилия (в кадке) и слева – абсолютно она же. Два мальчишки с удочкой – выбирай любого: идентичны. Мужчина в швейцарских Альпах: 2 раза. И так далее.

Стереоскоп как бы напоминал: у тебя два глаза, девочка! Две руки и две бабушки (Любовь Евгеньевна Кваша и ее сестра Проня). Да и

родителей двое, и оба далеко, на Урале, откуда меня, слава Богу, увезли, хотя бы на год. Жизнь на Урале была советской: бедной, злобной, скучной и скученной, среди клопов и портретов вождей.

Жизнь в Ейске была кентаврической. Половина дореволюционно-русской (частные дома, Чеховская мебель, вишневые сады). Половина – немецкая: золотые рамы и фарфор. Перины с вензелями. Стереоскоп.

Стоп.

Мы не ходили в кино – там не было детских фильмов. Телевизор еще не родился. Стереоскоп был моим “кино” и “клубом кинопутешествий” – единственной возможностью заглянуть в черно-белый, но другой мир.

Вот перед глазами австрийские дамы: фонтан, турнюры, трехэтажная зелень Венского парка. Все это, разумеется, два раза: справа и слева. Я вставляю открытку в стереоскоп и смотрю сквозь стекла: из двух фотографий получилась одна – объемная, как котенок! Совершенно “живая” и все же статичная, как картины Сера. Дамы никогда не сделают ни шага, хотя идут.

Лилия не шевельнется, хотя ее можно чуть ли не потрогать рукой.

Мужчина в швейцарском лесу не снимет шляпу и не поздоровается. Я в 47 году не подозревала, что этот мужчина не поздоровался бы со мной, полуеврейской девочкой, и будучи живым. Ни-ког-да. В 1947 году жизнь на открытках казалась мне эталоном красоты. Раем, куда никто из нас, обыкновенных советских людей, не может попасть в принципе. Да еще два раза. Я смотрела на эту “двойную” жизнь и млела: у меня не было таких лилий и такой кадки. Такой белизны на черном фоне. А главное – то, что я имела, не раздваивалось – пока. Один дом. Одно море.

В 1947, в Ейске, я не скучала по немецким лилиям. У меня в саду было много роз, на мне было красивое платье, на небе было теплое солнце.

Ни в городе, ни в доме не было портретов Сталина. В саду не стоял бюст “отца народов”. В книжном шкафу не было сочинений мудрого вождя – все это возникло, как упырь из болота, в Свердловске, благодаря стараниям отца.

А в Ейске подполковник медицинской службы Ефросиния Никонова (Проня) протягивала мне немецкий трофейный стереоскоп и мне не надо было отдавать ей честь.

Репрессированная бабушка умела смеяться: у нее еще не отобрали большую часть сада и многие из ее влиятельных знакомых были живы.

Мне еще удавалось создать из двух черно-белых изображений – одно, снимающее шляпу в реверансе.

Download English Version:

<https://daneshyari.com/en/article/1104358>

Download Persian Version:

<https://daneshyari.com/article/1104358>

[Daneshyari.com](https://daneshyari.com)